

• ОТ ПОБЕДИТЕЛЯ КОНКУРСА •
«СТРАСТИ ПО ОЛЕГУ РОЮ»

МАРИНА ПОЛЕТИКА

интернат для
брошенных мужчин

Марина Полетика

Интернат для брошенных мужчин

«ЭКСМО»

2012

Полетика М.

Интернат для брошенных мужчин / М. Полетика — «Эксмо»,
2012

ISBN 978-5-699-55932-9

Миром правят женщины. Сильные, уверенные в себе, они выбирают мужчин, именно они решают, с кем встречаться, кого бросать. Но вот что делать мужчинам, которых бросили? Куда им идти? Есть такое место, где им всегда рады, – Интернат для брошенных мужчин, которым руководит Людмила, неожиданно для себя превратившаяся из неудачницы в успешную бизнес-леди. Однако открывая такой необычный «бизнес», героиня и не подозревала, какие приключения ее ожидают, ведь мужчины не только брошенные, но и очень привлекательные, и у каждого имеются виды на сердце Людмилы.

ISBN 978-5-699-55932-9

© Полетика М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Полетика

Интернат для брошенных мужчин

*А на Цейлоне-острове или на Майорке
Русскому с татаринoм никогда не жить.
Родина есть Родина – лапти да махорка —
Так скроила матушка. И не переищить.*

Олег Митяев

Она шла по берегу океана, стараясь ступать босыми ногами по самой кромке прибоя – не по воде и не по суше. Сквозь ровный гул прибоя были слышны крики странных птиц, совсем не похожих на чаек. Белый песок, когда с него, шурша, убегала пена, отливал розовым. Время от времени она поднимала голову и, прикрыв ладонью, как козырьком, глаза, смотрела на видневшийся вдали остров: белый среди зеленого и бирюзового, с рощицей кокосовых пальм. Недалеко от берега мелькали блестящие серые спины дельфинов, и каждый раз ее сердце замирало от восторга.

Потом она опять опускала глаза, старательно вглядываясь во влажные отблески песка и в постоянное движение убегающей и возвращающейся волны. Она искала раковины. Она и представить не могла, насколько азартным окажется это занятие. Красивую ракушку надо было увидеть и успеть выхватить из воды, опередив уходящую волну. Иногда у нее это получалось, и она, улыбаясь, долго рассматривала свою мокрую находку. А порой океан оказывался проворнее, и ей оставалось лишь с досадой всматриваться во вскипающую пузырьками воду. Отчего-то она была уверена, что сегодня найдет самую красивую раковину – большую, разноцветную, всем на зависть. Ее до краев переполняло счастье, а счастливым, как известно, везет.

Но пока ракушки попадались простецкие, мелкие, каких десятки, будто сыроежек в лесу, а некоторые и вовсе норовили шустро зарыться в мокрый песок. От таких она испуганно отдергивала руку – кому приятно нос к носу столкнуться со скользким и малосимпатичным хозяином раковины? Были, впрочем, и красивые, но треснувшие, надколотые по краям. Такие она досадливо отбрасывала, как гриб, оказавшийся на поверку червивым. А она непременно должна найти хотя бы подберезовик, а лучше – белый. На крепкой толстой сливочно-белой ножке с прилипшими травинками и с чистой твердой красно-коричневой шляпкой. Берешь в руку такое чудо – и на душе восторг и радость от одного прикосновения! Минуточку... при чем тут грибы? Еще раз: океан, ровный гул прибоя... Нет, не слышен уже. И острова не видно. Чайки орут, как вороны. Даже во сне ей стало смешно. И она проснулась. Таким образом, это был

Первый сон Людмилы Петровны.

Часть первая

Когда уйдем со школьного двора...

Часы показывали без пяти шесть. С тех пор как старший сын, Сашка, перебрался в город, а младший, Владик, ушел в армию, ей не надо было вставать так рано. Некого будить, тормошить, кормить завтраком, некому подсовывать чистую рубашку. И провожать тоже некого. Впрочем, как и встречать по вечерам. И она еще не успела привыкнуть к царившей теперь в доме тишине – это после двух-то парней! Но многолетняя привычка брала свое: зимой и летом, в любую погоду она просыпалась без пяти шесть, хоть часы проверь.

Чай, бутерброд с сыром, яичница. И в школу! Уроки начинались в половине девятого, а она приходила к семи пятнадцати. Ничего страшного. Переброситься парой слов с вахтершей бабой Дашей. Проветрить класс, полить цветы, приготовить материал к уроку. И встретить первых учеников как хозяйка – на пороге дома. То есть класса, конечно. Что, в общем, одно и то же: двадцать пять лет в школе – не шутка, а диагноз. Впрочем, двадцать пять будет в сентябре, а пока на дворе начало мая, и надо думать о выпускных экзаменах.

Вспомнив о косноязычной аббревиатуре ЕГЭ, она привычно расстроилась, потому что именно учителям русского языка и литературы это нововведение казалось особенно изощренно придуманным абсурдом. Тест по литературе: чем Раскольников убил старушку: а) ножом; б) топором; в) поленом. Приз в студию! Но мнения учителей о ЕГЭ маниакальные реформаторы школьного образования не спрашивали, а те привыкли дисциплинированно выполнять указания свыше.

Ровно в семь Людмила Петровна вышла из дома. Зажмурившись не то от ликующего солнечного света, не то от счастья, она с наслаждением вдохнула воздух, пахнувший утром, травой, хвоей и распутившейся черемухой. Тихонько, чтобы не пугать соседей, поздоровалась с солнышком и со старой раскидистой сосной, которая заглядывала ей в окна. И отправилась знакомой до каждой выбоинки и неровности дорогой в школу, по пути отвечая на многочисленные «Здрасьте, Людмилпетровна!».

Вообще-то дорога до школы, располагавшейся на соседней улице, занимала семь минут. Но по дороге надо зайти к маме. Поинтересоваться, как давление с утра, приняла ли таблетки. Можно было, конечно, и позвонить, но старикам внимание важнее лекарств, а ей заглянуть нетрудно. Тем более что родительский дом, голубой с нарядными белыми наличниками (Владик красил, как снег сошел, перед призывом, непременно хотел успеть!), уже вот он и, кажется, улыбается ей всеми чисто вымытыми окошками. Окошки, как положено, с белыми кружевными занавесками и геранью на специальной деревянной подставочке, чтобы лучше было видно с улицы. И Людмила Петровна улыбнулась дому.

Когда двенадцать лет назад ей выделили квартиру в новом двухэтажном доме, мать отказалась наотрез переезжать:

– Вам с парнями и без меня тесно! И не дом это – скворечня. Дом на земле должен стоять, а не на голове у соседей. Курей некуда выпустить, на балкон разве что. И воду вашу из-под крана пить не стану! Свой колодезь во дворе, руки не отсохнут воды принести. Да и дом, Людмила, догляда требует. Вот помру, тогда уж и делай с ним что хочешь.

А вот Людмила Петровна переезжала из материнской избы с радостью. И сыновья были счастливы: ванна, туалет, батареи под окном – все как в городе, ничуть не хуже. И ни огорода, ни скотины – красота! А мать упорно держала козу, кур. Куда им это все теперь, когда парни разъехались? Вот вернется Владька, тогда уж...

– Что-то вы сегодня опаздываете, Людмила Петровна, – пошутила директор школы Зинаида Васильевна, столкнувшись с ней на школьном крыльце. – Уже полвосьмого, а вы еще не в классе!

– Да утро-то какое! Такая красота, – заулыбалась Людмила Петровна. – Весна! Я из дома вышла – аж сердце захолонуло от счастья! До чего я, Зинаида Васильевна, весну люблю – слов нет! Целый год ее жду и будто каждый раз заново жить начинаю.

– Весна, – вздохнула директриса. – После обеда на совещание поеду в районо. ЕГЭ, будь он не ладен! Хорошо еще, что у нас десятых-одиннадцатых нет.

– И не говорите, – согласилась Людмила Петровна. – Все придумывают и придумывают на нашу голову.

Но улыбаться не перестала. Так и в класс вошла улыбаясь. Ни за что бы не поверила, если бы ей сказали, что начинался последний ее счастливый день в школе.

Есть поговорка: знал бы, где упадешь, подстелил бы соломки. А можно и с соломкой не заморачиваться, а аккуратненько за семь верст стороной обойти то место, где упасть суждено. И все будет хорошо. Но при одном условии – если знать. Она часто думала потом: если бы знать, что все так получится... Наверное, после четвертого урока не вышла бы из кабинета. Мало ли дел. Да вот хоть доску вытереть начисто, потому что дежурные вечно делают все тупляп. Подготовить материал к следующему уроку. Побрызгать цветы, чтобы тоже радовались. Просто в окно посмотреть, наконец. И ничего бы не произошло.

Ни-че-го.

Все осталось бы по-старому, как год, пять, десять лет назад. Вот при таком раскладе вышла бы она из кабинета или нет? И ответа на этот вопрос у нее не было.

Но в тот день после четвертого урока Людмила Петровна решила пойти в кабинет математики, чтобы перехватить у математички журнал своего шестого класса, в котором она была классным руководителем, и на перемене заполнить в нем пустующие графы. Она еще вчера обещала, да закрутилась. Перемена длинная, дети обедают, она как раз успеет. Выйдя в коридор, увидела идущую ей навстречу англичанку Анфису Романовну, а за ней – мальчишек из девятого, выпускного, во главе с Тимкой Гаряевым. Эта картинка засела у нее в памяти, как стоп-кадр. Поскольку обоим этим персонажам предстояло сыграть в судьбе Людмилы Петровны важную роль, мы можем воспользоваться случаем и познакомиться с ними поближе.

Анфиса Романовна, как обычно, была занята своими мыслями, шла не спеша, рассеянно улыбаясь и кивая встречным в знак приветствия. Она всегда улыбалась и никогда не повышала голоса. Людмила Петровна уважала таких людей, почитая одним из главных качеств интеллигентного человека умение владеть собой и не навязывать окружающим свои эмоции. И Анфиса Романовна ей нравилась, несмотря на то что в селе ее считали странной. Чужой, хотя англичанка жила в Большом Шишиме уже лет пять.

Анфиса Романовна была горожанкой по происхождению и образу мыслей. А из всех городов больше всего, по мнению Людмилы Петровны, ей подошел бы Лондон или Бирмингем. Других названий она вспомнить не могла, поскольку, что уж скрывать, не сильна была в географии. Анфиса Романовна была не «тетка», не «бабка», не «женщина» и не «гражданка», а «миссис». Во всяком случае, именно так она одевалась и так себя вела. Высокая, худая, с прямой спиной и собранными в аккуратный узел на затылке волосами. Непременно юбка, кофта или жакет, блузка, а у воротничка – брошь. Понятно, что в селе Большой Шишим англичанка Анфиса Романовна была уместна, как тропическая бабочка в коровнике.

Но обстоятельства сильнее людей. Прожив всю жизнь в городе, проработав в каком-то НИИ переводчиком технической литературы и выйдя на пенсию, Анфиса Романовна заболела астмой, да так, что «Скорую» приходилось вызывать. И однажды профессор-пульмонолог сказал ей, что если она не уедет из столь любимого ею города, то очередной приступ может закончиться печально. Анфиса Романовна посоветовалась с дочерью и обменяла свою городскую

квартиру на однокомнатную благоустроенную в Большом Шишиме во втором подъезде того дома, где жила Людмила Петровна. Уж что-то, а экология тут выше всяких похвал: чистый воздух, кругом поля, рядом лес, речка. Приступы повторялись реже, а потом и вовсе прекратились, астма напоминала о себе, когда Анфиса Романовна, отчаянно скуцавшая по соблазнам большого города, выбиралась в театр, в филармонию или в гости к дочери и внукам. Денег, оставшихся от продажи городской квартиры, хватало на жизнь... но теперь Анфиса Романовна умирала от скуки. И тогда директору шишимской школы пришла в голову замечательная идея: упросить Анфису Романовну преподавать в школе английский.

Выпускники шишимской школы уже много лет получали аттестаты о неполном среднем образовании с традиционным прочерком в графе «Иностранный язык». Ну никак не желали выпускницы иняза трудиться на неплодородной шишимской педагогической ниве. Из года в год их распределяли сюда на работу, а они упорно сбегали кто в зимние каникулы, а кто и раньше. Шишимские школяры и их родители особенно об этом не печалились. Парни, получив аттестат, шли в сельское ПТУ учиться на механизаторов, потом в армию, девчонки – в то же ПТУ на парикмахеров и поваров, а вскоре замуж и в декрет. Но времена меняются, и теперь даже официантки и горничные, по мнению работодателей, просто обязаны бегло «спикать» или «шпрехать». И тут в Большой Шишим приехала Анфиса Романовна.

Она взялась за предложенное новое дело с энтузиазмом, который искупал неизбежные ошибки. И уже через полгода шишимские первоклашки могли лихо отгарабанить «Teddy bear, Teddy dear? Turn around!» и до слез умиляли родителей своим «I am Vasja, I am seven». С учениками постарше было, конечно, сложнее. Они охотнее совершенствовались в лексике не английской, а русской ненормативной. Но Анфиса Романовна одним своим присутствием в школе олицетворяла наличие в окружающей действительности иных реалий и возможностей. Всех детей она называла на «вы», объясняя это тем, что местоимения «ты» в английском языке вообще нет и, даже обращаясь к кошке, настоящий джентльмен скажет «you», то есть «вы». Ну и, разумеется, блузка-жакет-брошка. И ухоженные руки, никогда не прикасавшиеся ни к колодезному вороту, ни к лопате. В селе к ней относились по-разному: кто-то любил, иные подсмеивались, однако все признавали, что она в своем роде шишимская достопримечательность. И дружно гордились тем, что вот у них есть Анфиса Романовна, а выпускники соседних сельских школ по-прежнему получали аттестат с прочерком в графе «Иностранные языки».

Тимка Гаряев тоже был в некотором роде достопримечательностью Большого Шишима. Нет, хулиганов и разгильдяев здесь всегда хватало, но Тимка был особенный – изобретательно-пакостливый и уже давно совершенно неуправляемый. Людмила Петровна, любившая литературные аналогии, удивлялась иронии судьбы, по воле которой мальчишка, бывший в десять раз подлее и хитрее небезызвестного хулигана Мишки Квакина, являлся к тому же тезкой и почти однофамильцем суперположительного Тимура. Была у этого Тимура, как водится, и своя команда, потому что пакостить всегда удобнее компанией, а не в одиночестве. И односельчане избегали конфликтовать с Тимкой и его друзьями. Все готовились вздохнуть с облегчением, когда он окончит девятый класс и уедет в райцентр, в ПТУ, а потом, глядишь, в армию. Там ему мозги и вправят.

И вот по залитому солнцем школьному коридору навстречу Людмиле Петровне шла Анфиса Романовна, чуть шаркая, обутая в растоптанные парусиновые тапки («А ведь еще недавно только туфельки носила», – вдруг с сочувствием подумала Людмила Петровна), а за ней Тимур со товарищи. Англичанка улыбалась рассеянно, парни за ее спиной давились от хохота. Когда все поравнялись с Людмилой Петровной, она увидела, что идущий впереди компании Тимур что-то снимает на свой сотовый телефон. Она, помнится, поздоровалась со всеми, и ей даже ответили нестройно, но весело.

На спине у Анфисы Романовны зажимом для бумаг был прикреплен листок бумаги, на котором было жирно выведено маркером: «Хочу мужика!» – и наспех накорябан похабный рисунок.

– Тимур... Ребята... Да вы что?! – пробормотала Людмила Петровна.

– Мы кино снимаем! – по-прежнему лучезарно улыбаясь, сообщил Тимка. – Пашка в Сеть выложит, он умеет.

Он смотрел на Людмилу Петровну наглыми, смеющимися глазами, свысока, потому что к шестнадцати годам вымахал на две головы выше Людмилы Петровны.

– Тимур... Как же... – еще больше растерялась от его улыбки Людмила Петровна.

– А что? Прикольно, – еще шире улыбнулся парень, явно наслаждаясь полной растерянностью училки литературы, и, отвернувшись от уходящей Анфисы Романовны, стал снимать ее растерянное, покрывшееся красными пятнами лицо.

– Тимур, отдай немедленно телефон. Вечером придет мать – я ей верну. Или пусть отец заедет, – приказала Людмила Петровна.

Веселая компания притихла, ждала продолжения: кто кого?

– Очень им надо за вами бегать! Отец пошлет вас на х... И мать тоже, – доброжелательно произнес парень, продолжая снимать. И поскольку Людмила Петровна стояла между ним и Анфисой Романовной, он небрежно отодвинул ее плечом. Парни загоготали и двинулись следом.

У Людмилы Петровны потемнело в глазах. И, почти не осознавая, что делает, она шагнула вслед за Тимуром, схватила его за плечо, развернула к себе и ударила по лицу. Людмила Петровна, как и большинство коренных жительниц села, с детства привыкших к физической работе, была женщиной крепкой, и удар получился сильным. Тимур отшатнулся, выпустил из рук телефон, и тот шлепнулся на пол, разлетевшись на две части. Гогочущая компания приотмолкла, испуганно переводя взгляд то на ошарашенного Тимку, то на красную как рак литераторшу. Анфиса Романовна уже зашла в кабинет директора, похоже, так и не заметив, что происходило за ее спиной.

Что происходило потом, Людмила Петровна помнила плохо. Ей рассказали, что Тимур, придя в себя, бросился на нее с кулаками, матерясь и вытирая кровь с разбитой губы. Его оттащили одноклассники. На шум из учительской в коридор выбежали коллеги, собрались ученики. Людмилу Петровну увели в класс, усадили, дали воды. Она только бормотала: «Да как же это... Да как же...» Пятый урок был сорван.

Позднее Людмила Петровна даже против своей воли не раз и не два прокручивала в голове эту сцену: залитый солнцем школьный коридор, улыбающаяся своим мыслям Анфиса Романовна, нагло ухмыляющийся Тимур. Думала про «соломку», про «если бы знать». И понимала: повторись все – она опять дала бы Тимуру пощечину, нарушив педагогические нормы. Потому что по-человечески она поступила правильно. Такое вот противоречие.

О деталях происшествия Людмила Петровна честно старалась не вспоминать. Но и забыть никак не могла, потому что голова не компьютер, ненужные воспоминания не выдеришь и Delete не нажмешь. Они всплывают против воли, заставляя заново переживать то, что пережить, кажется, невозможно. И сводят с ума. Шестой урок она как-то провела, хотя руки тряслись и Чехова она назвала Антоном Петровичем, чего, впрочем, заинтересованно рассматривавший ее класс не заметил.

Сразу после шестого урока к ней зашла директриса Зинаида Васильевна – губы поджаты (сердится), глаза круглые (боится). Надо сказать, что особой симпатии они друг к другу не испытывали. Слишком часто Людмила Петровна на педсоветах высказывала свое мнение, которое расходилось с мнением руководства. И это директриса еще могла бы ей великодушно простить, потому что в итоге все выходило так, как и было задумано, и вредная литераторша Мумрикова коренным образом повлиять ни на что не могла. Но числила за ней директриса

грех куда менее простительный, особенно в женском коллективе: Людмила Петровна, по ее мнению, зарабатывала себе дешевую популярность, не жалея ни сил, ни времени. Лучше бы огородом занялась, злилась порой директриса. А то вон они с матерью и телку продали, и парня в армию проводили, теперь станет в школе дневать и ночевать.

Популярность и самореклама заключались в том, что Людмила Петровна, сама еще со школьной скамьи пописывающая стишки, не ограничилась сочинением поздравлений к дням рождения коллег, а организовала, видите ли, поэтический кружок «Зеленая лампа». Денег за внеклассную работу не просила. И даже лампу за свои деньги где-то раздобыла. Зеленую, конечно же. Ну ладно, собирались, читали стихи, свои и чужие, и даже сборник издали. Она же, директриса, тоже не без понятия, признает, что внеклассную работу надо вести и лишний кружок по интересам школе только в плюс. Но в прошлом году, весной, в школу приехало областное телевидение аж из самого Горноуральска и сняло про «Зеленую лампу» репортаж. К ней, директрисе, девчонка-журналист даже не заглянула, хотя Зинаида Васильевна и готовилась рассказать ей о том, какая замечательная школа в Большом Шишиме, со своими традициями и достижениями. Ладно, черт с ней, с девчонкой, не умеют работать – не надо. Но Мумрикова, зараза, про нее, директора, тоже не сказала ни слова, будто вся школа на ней и ее «Зеленой лампе» начинается и заканчивается.

А после выпускных экзаменов разгильдяи из девятого выпускного намалевали перед крыльчком школы на небольшом заасфальтированном пятачке, где обычно проводили обще-школьные линейки, метровыми белыми буквами: «Людмила Петровна, мы вас любим! Вы лучшая!!! Ваш 9-й класс». Проклятые буквы портили вид, и ничто их не брало – ни бензин, ни растворитель. А если так каждый год начнут писать?! Во что превратится школьный двор? Вся школа собирается на линейку, а посреди двора написано, что Мумрикова, видите ли, лучше всех. Ей, директрисе, такого никогда не писали, хотя уж она всю душу без остатка... Просто никогда не заискивала перед детьми, высоко несла авторитет педагога. А Мумрикова вон что себе позволяет! Ударить ребенка! Скандал на весь район! На всю область! Да еще не какого-нибудь там Вовку или Петьку, а сына Галины Гаряевой! Ох, что будет... Сердце директрисы замирало, и она не понимала, от чего больше: от страха перед грядущими неприятностями, которые непременно последуют (надо знать Тимкину мамашу!), или от предвкушения того, как станет выкручиваться зарвавшаяся Мумрикова. Тут не поможет ни ее педстаж, ни «Зеленая лампа», ни надписи на асфальте!

Закрыв за собой дверь, Зинаида Васильевна прошла к учительскому столу и села. Мумрикова, зачем-то вытиравшая тряпкой совершенно чистую доску, тряпку уронила и теперь, опустив руки, стояла перед ней, как школьница, не выучившая урок.

– Мне все рассказали, Людмила Петровна, голубушка. Как же так?! – в голосе Зинаиды Петровны звучал неподдельный ужас, и сразу стало ясно – никакие резоны в расчет приняты не будут.

Людмила Петровна пожала плечами и виновато отвернулась в сторону. Ну не ябедничать же ей на Тимура, в самом деле. Тем более раз директрисе «все рассказали».

– Я понимаю, что Тимур не сахар и ведет себя порой безобразно, – добавив в голос сочувствия, продолжила директриса. – Но вы же понимаете... Он все-таки ребенок.

«Он законченный мерзавец», – мысленно произнесла Людмила Петровна и перевела взгляд к окну. По улице проехал трактор, и все заволокло пылью. Хорошо бы дождь прошел.

– Надо было как-то по-другому, – проговорила директриса. – Остановить, отругать. Телефон отобрать, в конце концов. Они совсем с ума посходили с этими телефонами, да еще в газетах об этом постоянно пишут. Вы понимаете, – Зинаида Васильевна понизила голос, – все бы ничего, и, возможно, мы бы с вами как-то выкрутились, мало ли кто что скажет, если нет реальных доказательств инцидента. Но ребята и ваш... поступок тоже сняли на телефон. Улики налицо. И если дело дойдет до публичных разбирательств...

«Вот уже и улики, – тоскливо подумала Людмила Петровна, рассматривая трещины на покрытой масляной краской стене за спиной у директрисы. – А я, значит, преступница».

– Между нами говоря, Анфиса Романовна сама часто провоцирует такое к себе отношение. – Зинаида Васильевна даже улыбнулась сочувственно. – Она так одевается... А ее манера вечно улыбаться? Взрослые поймут, но дети в этом возрасте бывают жестокими.

– Тимур не ребенок, – возразила Людмила Петровна. – Ему шестнадцать. И если он в шестнадцать не понимает, что человека, даже если он чем-то отличается от других, нельзя оскорблять, тем более женщину, пожилую женщину, значит, мы его ничему не научили.

– Мы не научили? – вскинулась директриса. – Мы должны учить математике, литературе, истории. Согласно образовательным стандартам. А хорошим манерам пусть учат в семье! Это не наше дело. Вы уж меня извините, Людмила Петровна, но я давно хотела вам сказать, что ваша привычка всегда вмешиваться не в свое дело не доведет вас до добра. И вот, пожалуйста, результат.

– Я виновата. И я отвечу за свой поступок, – глядя директрисе в глаза, сказала Людмила Петровна. У нее вдруг закружилась голова, и она думала лишь об одном – не хватало еще, как институтке, упасть тут, прямо в классе, в обморок. Скорее бы добраться до дома, а там... Что «там» – она не знала, но дома, говорят, и стены помогают.

– Ответите, – кивнула директриса. – Я со своей стороны могу пообещать вам, что если Горяевы не поднимут скандала, то меры со стороны школьной администрации ограничатся выговором. Строгим, я полагаю.

Она тяжело поднялась со стула и направилась к двери. Обернулась и добавила, с интересом глядя на Мумрикову:

– Боюсь, что этим не ограничится. Вы же знаете Горяевых. Что Галина, что Марат – два сапога пара.

Людмила Петровна стояла, глядя на захлопнувшуюся дверь. Да, Горяевых она знала. Мать Тимура, Галина, дама нахрапистая и самоуверенная, обожавшая единственного сына, являлась главой сельской администрации. А отчим, Марат, в свое время вернулся из мест не столь отдаленных. Теперь он был хозяином всех трех шишимских магазинов и большого кемпинга на трассе с автомастерской, гостиницей для дальнобойщиков, шашлычной и сауной. Поговаривали, что и еще другими темными делишками занимался. Возле их трехэтажного коттеджа, единственного в селе, частенько останавливались дорогие иномарки с тонированными стеклами, приезжали ненадолго «Газели» с номерами других регионов. Но больше из-за высокого забора ничего не было видно. Такого забора, как у Горяевых, тоже ни у кого в Шишине не было. Великая китайская стена, а не забор. Марат дружил с местной милицией и охотно давал деньги на нужды школы. Поэтому все проделки его пасынка легко сходили с рук. Да и односельчане не связывались с Горяевыми. Особенно после того, как один за другим сгорели три киоска и кафе, которые заезжие предприниматели открыли в Шишине после того, как здесь стали покупать дома под дачи небедные жители областного центра. В селе были уверены: это дело рук Марата Горяева. Но виноватых не нашли. А Горяевы спустя месяц открыли неподалеку от пепелища кафе «Ромашка», и дела там, похоже, шли бойко.

Да, поняла Людмила Петровна, выговором дело может не ограничиться. Горяевы не привыкли спускать обиды. Оставалось идти домой и ждать. Чего? Трудно сказать. Ведь не придут же ее убивать, в конце концов. И почему она одна виновата в произошедшем? Да, она педагог, не имела права распускать руки. Но и Тимур тоже не белая овечка. Надо поговорить с Анфисой Романовной, решила Мумрикова. Да и дети все видели, даже на телефоны записали, как Тимур издевался над англичанкой, как потом матерился и бросался с кулаками на нее, Людмилу Петровну. Может, надо бороться? Но с кем? С учеником? Пусть подлым, пусть не усвоившим никаких человеческих правил, но все же учеником? А как она, педагог, ударив-

шая ученика, станет потом смотреть в глаза ученикам, их родителям? Мысли зашли в тупик. Выхода не было.

Она пришла домой, села у окна и просидела так до самых сумерек. Но Горяевы-старшие к ней не пришли. Часов в одиннадцать раздался звонок в дверь, Людмила Петровна открыла. На пороге стояла запыхавшаяся и испуганная Зинаида Васильевна. На сей раз, похоже, испуг был настоящий.

– Людмила, поговорить надо. – Тяжело дыша, она упала в кресло, удивленно крикнувшее под ее весом. – Ты ушла, а я ведь все в школе сидела, ждала. Знала, что просто так дело не закончится.

– Я думала, они ко мне придут, – проговорила Людмила Петровна. Обращение на «ты» ее насторожило больше, чем сам визит. – А что случилось?

– Только что Галина приходила. Говорит, иду с работы, вот и заглянула по пути, – переведя дыхание, начала рассказывать Зинаида Васильевна. – Спокойная такая. Говорит, я с сыном побеседовала. Возможно, он не прав, но он ребенок. Учиться ему осталось меньше месяца да экзамены сдать, так что скандала из-за того, что ваш педагог избил ребенка, мы с Маратом поднимать не будем.

– Я? Избила? – воскликнула Людмила Петровна. – Да я только...

– погоди! – досадливо отмахнулась директриса. – У нас, говорит, только одно условие – чтобы Мумриковой в школе больше не было.

– То есть как?

– Пусть, говорит, напишет по собственному. С завтрашнего дня, – пояснила директриса, внимательно глядя на Людмилу Петровну, и добавила: – Еще, говорит, эта старая кошелка, Анфиса то есть, пусть остается, к ней вопросов нет. А Мумрикову, говорит, на х...

– Так и сказала? – начиная закипать, уточнила Людмила Петровна. – А вы что?

– Так и сказала, – подтвердила директриса. – А я что? Она начальство. Пусть, говорит, уходит по-хорошему, пока не поздно.

– А если я не уйду?

– А если ты не уйдешь по-хорошему, то они заявление в милицию напишут. И утопят тебя в дерьме по самые уши. Это не я, это она так сказала. – Судя по всему, Зинаида Васильевна старалась ничего не пропустить из сказанного Галиной и пересказывала не то что близко к тексту, а дословно.

– Да как же так? – растерялась Людмила Петровна. – Может, мне поговорить с ней? Ведь не по-человечески это... Что же она с парнем-то делает?

– Не советую. Я тоже ей говорю: Галина, может, миром решите? А она мне: если бы эта ваша училка ко мне сама сразу пришла, тогда, может, и миром. А так – нет. Марат, мол, считает, что если Тимур будет позволять себя бить, то из него вырастет не мужик, а дерьмо собачье. – Последние слова Зинаида Васильевна выговорила с явным удовольствием.

– А если парень будет над старухами издеваться, то вырастет настоящим мужиком? – уточнила Людмила Петровна. – Я сама двоих сыновей вырастила и никогда...

– Людмила, ты передо мной тут зря митингуешь! – прервала директриса. – Парни у тебя хорошие выросли, кто спорит. Хотя тоже всякое бывало. Но это дела не меняет. Уже двенадцатый час, а я еще дома не была. Так что давай так решим: ты завтра приходи и заявление приноси. Можешь после уроков, чтобы не встречаться ни с кем. Пойми: уйдешь по собственному – потом устроишься в районе в колледж или в школу, там их две, найдут тебе место. Подумаешь, сорок минут на автобусе, невелика беда! Тем более что у тебя педстаж, в сентябре двадцать пять лет будет. Хорошую характеристику тебе дам. Понравится – и квартиру поменяешь. У тебя ведь не изба. Тут продашь, там купишь, на однушку точно хватит. Куда тебе одной такие хоромы?

– Как одной? – воскликнула Людмила Петровна. – А Владька из армии вернется – ему куда?

– Да не вернется сюда твой Владька, – вдруг с неприязнью произнесла Зинаида Васильевна. – Сашка после института не вернулся, и этот потом поступать будет. Что он тут потерял, в Большом Шишиме-то? Ты сама их так воспитала, вот и гордись теперь. – Директриса с трудом поднялась с кресла и, сверху вниз глядя на сидевшую перед ней Людмилу Петровну, подвела итог: – А если начнешь волну гнать, то я тебе выговор влеплю, а Горяевы в милицию заявление напишут. До управления образования дойдет, до министерства, не дай бог! Журналисты набегут. Это тебе не кружок «Зеленая лампа», – не удержавшись, добавила она. – Позора не оберешься. Сама не боишься – о школе подумай. О других учителях, о детях. Кстати, если со скандалом уйдешь, то тебя и в районе не возьмут. Пойдешь в ларек торговать. До пенсии-то тебе еще долго. Так что думай, Людмила. До утра у тебя время есть. – Не прощаясь, она пошла к выходу. Но в дверях опять, как тогда в школе, обернулась, чтобы выложить последний аргумент: – Но лично я – не советую. Ты Горяевых знаешь. Не связывайся. Я тебе добра желаю.

Проведя бессонную ночь, Людмила Петровна решила бороться. В конце концов, никакого страшного преступления она не совершила. Она готова извиниться перед Тимуром за свою несдержанность. Хотя... не чувствовала она себя виноватой. Если человек совершает подлость, то почему надо с ним сюсюкать? Как же он иначе поймет, что делает недопустимое?! Нет-нет, нужно успокоиться и действовать. От мысли посоветоваться со старшим сыном Людмила отказалась. Сашка несдержан, если узнает, что обижают мать, побежит разбираться с Горяевыми, а там все, что угодно, может произойти. Однажды Марат даже стрелял в каких-то ночных визитеров, которым не пожелал открыть дверь.

Без пяти шесть, как обычно, она начала собираться. И хотя кусок не лез в горло, Людмила Петровна заставила себя позавтракать. Хотя бы для того, чтобы все было как обычно, словно ничего не случилось. В семь часов вышла из дома. Еще с ночи зарядил дождь, поэтому поздороваться с солнышком, носа не казавшим из-за низких тяжелых облаков, не получилось. Утреннего «здрасьте», правда, непривычно рассеянного, удостоилась лишь смотревшая в окно сосна. Зато односельчане при встрече приветствовали ее не привычно-мимолетным «здрасьте», а полновесным «здравствуйте, Людмила Петровна!». И смотрели с интересом, кто-то даже оборачивался вслед. Людмила Петровна сделала вывод, что весь Большой Шишим уже в курсе вчерашних событий. О событиях в мегаполисах им рассказывал телевизор, а местные шишимские новости мгновенно распространялись старинным беспроводным способом, называемым «сарафанное радио».

Мать тоже уже все знала, и ее не обошли стороной добрые люди. Нет чтобы пожалеть старуху! Людмила Петровна всегда удивлялась, как мать, почти не выходившая со двора, всегда была в курсе событий, которые происходили в селе.

– Людмила, что же это? – едва не плача, спрашивала мать. – Ума ты лишилась, с Горяями-то связываться? Самый поганый народ в селе, что Галка, что Марат ее. И Тимка – гнилое семя. Что же теперь будет-то?

– Ничего, мама, теперь не будет! Что ты раньше времени себя изводишь, – попыталась успокоить ее Людмила Петровна. – Все будет в порядке.

– Может, Сашке позвонить? Он один у нас мужик, – предложила мать.

– Ни в коем случае! – замахала руками Людмила Петровна. – Мама, если позвонит, ничего ему не говори. Не хватало еще, чтобы он сюда приехал разбираться. Вот уж ему-то точно с Маратом связываться не стоит. У него своих дел полно. А мы со своими сами справимся, так ведь?

– Ну, коли так... – вздохнула мать и украдкой ее перекрестила.

Но в школу в то утро Людмила Петровна не попала. Обычно она приходила первой и ей открывала вахтерша баба Даша, тоже работавшая в школе с незапамятных времен. Но на

сей раз на школьном крыльце Людмилу Петровну встретили коллеги во главе с директрисой. Постоянную группу поддержки Зинаиды Васильевны традиционно составляли две учительницы начальных классов, историчка и химичка. У Людмилы Петровны такой группы не было, хотя большая часть педагогического коллектива обычно и была на ее стороне, но мнение свое вслух не выражала, вполне довольствуясь тем, что на амбразуру дискуссии с начальством всегда ложилась грудью литераторша Мумрикова.

На ее растерянное «доброе утро» кивком ответила лишь историчка, очевидно, имевшая в виду, что любая история, в том числе и эта, развивается по спирали и мало ли оно как на следующем витке может сложиться. Встречающие молча стояли на крыльчке, закрывая собой входные двери. И не выражали намерения посторониться. Ошарашенная Людмила Петровна, постояв немного перед их недлинной, но плотной шеренгой, повернулась и, жалко улыбаясь, спустилась со ступенек. Еще постояла, рассматривая расплывавшиеся перед глазами огромные буквы: «Людмила Петровна, мы вас любим! Вы лучшая!!! Ваш 9-й класс». Затем, аккуратно переступив через «в» и «н», пошла вон со двора.

– Трудовую я вам сегодня передам! А расчет – как в районе сделают! – прокричала ей вслед директриса, но Людмила Петровна ее не услышала.

Потом она вспоминала, какая странность приключилась с ней в эти дни. С того самого момента, как она вышла со школьного двора на улицу, она вдруг перестала слышать звуки. В романах Людмила Петровна всегда читала, что у героини «все краски померкли перед глазами». Нет, в ее случае краски были на месте: трава зеленая, небо серое, мамин дом, мимо которого она прошла, возвращаясь, – голубой с белыми наличниками, а пробежавшая мимо мокрая собака – черная с белым хвостом-бубликом. Она даже серые репы на хвосте заметила. А звуки пропали. Собака открывала рот, но не лаяла. Бесшумно проехал мимо желтый рейсовый автобус, вечно дребезжащая колымага породы «скотовоз», которой давно пора в утиль. Встретившаяся ей старушка, Федосья Иосифовна, поздоровалась тоже беззвучно. Наверное, просто кивнула.

Весь день она просидела, ничего не делая. А что делать? Вечером пришла Анфиса Романовна, принесла трудовую книжку с записью об увольнении по собственному желанию. Что-то говорила, виновато улыбаясь. Наверное: «Не переживайте, все как-нибудь образуется». Это Людмила Петровна, видимо, по губам прочитала. Когда она ушла, Людмила Петровна опять сидела, безучастно глядя в окно, за которым шел бесшумный дождь. Вскоре дождь закончился. Небо прояснилось, высыпали звезды. Наступила ночь. Но соловьи, которые с начала мая не давали спать, в ту ночь не пели. Странно.

Наступило утро. Сосна, которая росла на пригорке напротив окна, проснулась, зашевелила ветками, отряхивая остатки сна и капли влаги. Людмила Петровна, не сомкнувшая глаз, долго стояла у окна, смотрела, виновато улыбаясь старой знакомой. Пожала плечами, словно извиняясь за то, что собиралась сделать, встала и прошла в кухню, где хранились лекарства. Достала из дальнего угла шкафчика упаковку, которую покупала маме от аритмии, но потом они прочитали, сколько там противопоказаний, и решили, что пить не станут. Долго, старательно освобождала таблетки из трех блистеров, пока не получилась целая горка. Наверное, это быстро и небожно, сердце остановится, и все. Оставаться жить больше.

Налила в стакан воды, ухватила штук шесть или семь голубых пилюлек и проглотила их. Зазвонил телефон. Звонка Людмила Петровна не услышала, но увидела, как замерцал экран лежавшей на столе трубки и высветилось имя абонента – «мама». Ее охватила привычная паника: так рано мама никогда не звонила, а если звонит, значит, случилась беда. Мама была старенькой, как у них говорили про стариков, переживших войну, «изрожденной», и Людмила Петровна больше всего на свете боялась однажды утром позвонить, а там не возьмут трубку. Сама мама звонила тоже редко, в крайних случаях, потому что телефона побаивалась и считала его баловством.

- Людмила... – Голос в трубке тихий, еле слышный. Но она услышала!
– Мама! Что?! Мамочка, я сейчас буду! Сейчас, подожди, я через минуту!

Задышавшись, она влетела в дом, впервые в жизни встретивший ее слепыми окнами, закрытыми ставнями, как бельмами. Мать – тоже впервые в жизни – не встретила на пороге. Она лежала на кровати в горнице, изжелта-бледная, с темными кругами под глазами.

– Мамочка! Слава богу! – бросилась к ней Людмила Петровна. – Что? Сердце? Сейчас, сейчас! Ты потерпи, мы «Скорую»... Хорошо, что позвонила, умница! Ты не молчи, мамочка, скажи что-нибудь!

Трясушимися руками она набирала домашний телефон фельдшера Надежды Петровны, с отчаянием понимая, что «Скорая» из райцентра может не успеть. Уже так бывало, с тех пор как поликлинику в селе ликвидировали, объяснив, что это в связи с «оптимизацией».

- Не звони, Людмила, сядь, – попросила мать.

Людмила Петровна послушно опустилась на табуретку возле кровати, взяла мамину руку в свою.

– Ты что это удумала, девка? Совсем с ума посходила? – глядя ей в глаза, тихо и требовательно спросила мать.

Людмила Петровна растерялась. Она всегда, с самого раннего детства, пугалась способности матери видеть как сквозь стену.

- Я... Я что? Я ничего... – как в детстве, виновато забормотала она, пряча глаза.

- Не ври. Я вижу. Что удумала, а?

– Да что я удумала-то?! – спохватилась Людмила Петровна, сообразив наконец, что видеть ее с горстью таблеток в руках никто не мог, одна она была в кухне, одна! И ни в какую мистику не верила, кроме вечной любви, как и полагается любой уважающей свою профессию учительнице литературы. А стало быть, мама ничего не знает.

– Сон я видела, – помолчав, сказала мать. – Ночь не спала, а под утро уже. Что стоишь ты посреди поляны какой. Ну вот навряд нашей возле Талого Ключа. Руки так раскинула, глаза закрыла, загораешь вроде. А потом смотрю – там в траве-то и не ручей вовсе. Вместо ручья рельсы положены. И там от леса поезд идет. А ты стоишь, улыбаешься. Я кричу тебе, мол, Людка, Людка! А ты и головы не повернула, не слышишь. Ты смотри, Людмила.

– Да что я? – беспомощно пробормотала Людмила Петровна, потрясенная этим «не слышишь». Ну откуда, откуда мама могла знать?!

– Грех на душу не бери. Я под поезд не лягу, грех это. Сколько Господь назначил – столько и буду землю беспокоить. А как я без тебя? Подумала ты? Не обо мне, так о сынах подумай. Санька как жить будет? Владька куда вернется? В пустой дом? Не одна ты на свете, Людмила. Люди кругом. О них надо думать, не о себе. Тогда легче станет. Вот увидишь. Кто-то толкнет, а кто и поможет. Подождать нужно. Перетерпеть. Поняла, нет?

– Поняла, мамочка, – глотая слезы, кивнула Людмила Петровна. – Только придумала ты все. Нет у Талого Ключа никаких рельсов. Ручей там. Хочешь, летом сходим? И недалеко вовсе. Там хорошо! Трава по пояс и ромашки. И поездов у нас никаких нет. Узкоколейку и ту еще при советской власти разобрали. Так что...

– Ты молодая еще, Людмила. Жизни не знаешь, – укоризненно, как девчонке, погрозила пальцем мать, приподняв исхудавшую руку от одеяла. – Может, у тебя еще все впереди. Всяко бывает.

– Угу. Я замуж выйду. И разбогатею. И мы с тобой к океану поедем, я всю жизнь мечтала океан увидеть, – сквозь слезы улыбнулась Людмила Петровна. – Мам, у тебя кушать есть что? Давай приготовлю. Тебе чего больше хочется – оладушек или каши? Я тоже не ела уже давно, а тут вдруг так захотела, ужас!

Конец мая и начало июня прошли незаметно, как один длинный серый пустой день. Людмила Петровна вставала по-прежнему в шесть утра. Завтракала. Наводила чистоту в идеально чистой квартире. Садилась у окна, надевала очки и читала письмо от Владика.

«Здравствуйте, дорогие мама и бабушка! Спешу вам сообщить, что завтра мы уезжаем в Мурманск. Не пугайтесь! Я очень рад, что буду служить на флоте, правда, пока точно не знаю где. Хотелось бы не на берегу, а чтобы плавать. Мама, если хочешь, приезжай ко мне на присягу. Нам сказали, что родителям можно, и ко многим приедут, только билеты на поезд очень дорогие. Я по тебе и бабушке очень соскучился, особенно по оладушкам и по картошке жареной. Но кормят нас хорошо, ты не беспокойся. И деовщины никакой нет. Если можешь, попроси денег у Сашки и приезжай. У тебя же каникулы. Заодно увидишь океан. Правда, Северный Ледовитый, но все-таки океан, как мечтала! Не волнуйся, мама, и береги себя. Привет Сашке и всем нашим! Твой сын Владик».

Повздыхав и стараясь не давать волю эмоциям (сейчас бы оладушек сыночку, как-то он там, голодный, наверное!), принималась писать ответ. Старалась писать хорошо, весело. Выдумывала всякие истории из школьной жизни, рисовала смешные рожицы. Не сдержавшись, корила за грамматические ошибки. Просила писать почаще, при первой возможности. Аккуратным почерком заполнив две-три страницы, сворачивала листки из школьной тетрадки пополам и убирала в ящик письменного стола. Там уже лежало четырнадцать неотправленных писем. Последнее от него получила со сборного пункта две недели назад. Нового адреса места службы сын не знал, и пока Людмила Петровна писала и складывала в стол, чтобы отправить позднее и ничего не забыть. И каждое утро перечитывала полученное, хотя знала наизусть.

Дождавшись, когда в школе начнутся уроки и, значит, на улице не будет учеников, бежала к матери. Копала огород, сажала, поливала. Топила печь, если было холодно, мыла полы, без нужды в сотый раз перетрясала половики. Мать кивала одобрительно, порывалась помогать. Людмила помощь отвергала – самой было мало работы. Вместе обедали. Потом таскала воду в бочку, поправляла забор. Помогла посадить картошку соседям – одиноким старикам Карпу Филипповичу и Федосье Иосифовне Бабиновым, и радовалась, когда заломило спину так, что ни сесть, ни встать. Радовалась боли, потому что иных ощущений не было. Вообще никаких, ни плохих, ни хороших, и это немного пугало. Но думать об этом тоже запрещалось. По вечерам ставила заплатки на старые Владькины джинсы и рубахи. Перемывала с порошком потрескавшиеся от старости тарелки. Что-то читала, не понимая смысла, просто складывая букву к букве. Хваталась за все, что могло отвлечь ее от мыслей о школе. Но в магазин ходить категорически отказывалась. Мать не настаивала. Понимала. Поэтому молча брала палку, старую клеенчатую сумку и отправлялась за хлебом или крупой.

Больше ничего не покупали. Значительная часть материнской пенсии уходила на лекарства, а обещанный расчет в школе так и не дали. А Людмила, гордая, не спрашивала. В школу идти не хотела, одинаково опасаясь и сочувствия, и злорадства. Боялась просто сорваться и зарыдать на глазах у всех, унизиться. А еще надо было платить за телефон, за квартиру и электричество. И как-то дотянуть до своих овощей.

Разумеется, имелись деньги на сберкнижке. Уж что-что, а сорить деньгами Людмила Петровна отродясь не была приучена. Но на той неделе вдруг приехал из Горноуральска Сашка, старший. Мрачный и, кажется, напуганный. Нехотя рассказал: оказывается, с завода он уволился полгода назад, потому что его зарплаты инженера по электрооборудованию в городе ни на что не хватает. От матери скрывал, зная, что рассердится. Вместе с другом решили заняться коммерцией, да не чем-нибудь, а возить водку из Кабардино-Балкарии и ею тут торговать. Взяли кредит. Купили водку – на заводе, все как положено. Но первую же партию на посту ГИБДД на границе областей у них конфисковали, заявив, что документы поддельные, а водка паленая. И добавили: будете правду искать – посадим. И водку им никто не вернет. Они броси-

лись на завод. Оказалось, акцизные марки действительно поддельные. Они остались без товара и без денег. А кредит надо возвращать. Двести тысяч.

Пряча глаза, попросил у матери денег взаймы. Она, не поняв и половины из того, что рассказал сын, лишних вопросов задавать не стала. Сейчас не ко времени. Уж потом, когда все утрясется, она скажет ему все, что думает. И о нем, и о профессии, и о его занятиях торговлей. Торговать, имея диплом инженера! Нет, она не об этом мечтала для сыновей! А пока ему нужна помощь, и где ее просить, если не у матери. Утром пошла в сберкассу и сняла с книжки все, что было, до копейки – сорок три тысячи. Одно жаль – к Владке на присягу поехать не сможет. Ну и ладно, у нее ведь вроде как экзамены. О своих делах Сашке рассказывать не стала. Она выкрутится, это мелочи. Было бы у него все хорошо.

Странно, но беда, приключившаяся с Сашкой, помогла Людмиле Петровне выйти из состояния оцепенения, в котором она пребывала последний месяц. Тогда, прибежав к матери и поняв, что от самого страшного на сей раз бог миловал, она решила хотя бы ради матери жить дальше и делать вид, будто все поправимо, наладится жизнь, дайте только срок. Но думать и чувствовать себе по-прежнему не разрешала. Не всматривалась, не вслушивалась ни в себя, ни в то, что окружало. Старалась загрузить себя работой так, чтобы к вечеру, отупев от усталости, упасть в постель и заснуть до утра без всяких снов. А поговорив с Сашкой, вдруг окончательно поняла: пока все живы, все поправимо. И еще одно важное поняла: беда, случившаяся с тобой, – это полбеда. Настоящая беда – когда плохо твоим родным, за которых душу отдашь по кусочку. То есть она и раньше, конечно, о таком положении вещей догадывалась, а тут осознала ясно и окончательно. Она не имеет права делать больно ни маме, ни сыновьям.

И Людмила Петровна стала жить дальше. Осторожно присматриваться к тому, что рядом, и удивляться, что все как прежде. Даже разрешила себе думать о том, чем займется дальше. Уезжать из Шишима – немыслимо, невозможно, она умрет в любом другом месте, как выдрванное с корнем дерево. Но и работы по специальности не найдет ни здесь, ни в райцентре, уж Зинаида Васильевна расстарается. Больше она ничего делать не умела, только учить детей. Других идей не было, хоть торговать иди, как Сашка. И чем все закончится, тоже ясно. Мысли о будущем, и без того робкие и запуганные, обрывочные и слабые, забредали в тупик и там, потыкавшись, скукоживались. Но денег не хватало отчаянно.

К середине июня, как никогда поздно, в палисаднике распустились кусты ее любимой сирени. А надо сказать, что если материнским огородом Людмила Петровна занималась скорее по старой памяти и из уважения к матери, нежели из душевного расположения к сельскохозяйственным работам, то цветы она любила очень. И сирень тоже. В свое время потратила немало сил и времени, добывая правдами и неправдами редкие сорта, выхаживая молодые кустики. «Советская Арктика» – редкий сорт, с белыми махровыми цветами – был ее гордостью и предметом тихой зависти соседей. А рядом цвела темно-лиловая, тоже махровая «Павлинка», цветки которой, в отличие от прочих темных сортов, не выгорали даже в ясную сухую погоду, а срезанные стояли неделю.

Обычно оба куста зацветали в последнюю декаду мая. И то, что нынче они, как никогда долго, стояли с нераспустившимися бутонами, Людмила Петровна восприняла как знак. Недаром в год смерти отца, Петра Николаевича, не зацвела старая, посаженная им яблоня. А на другой год засохла. «От тоски, хорошая моя», – как о чем-то само собой разумеющемся, сказала тогда мать и спиливать засохшее дерево не разрешила. Вот и ее любимые «Арктика» с «Павлинкой» тоже словно замерли в оцепенении, как сама Людмила Петровна. А после Сашкиного отъезда пришла она утром к матери, глядит – а бутоны-то уже вот-вот цветом взорвутся.

Вдыхая запах белых и сине-сиреневых соцветий, Людмила Петровна едва не заплакала. И вдруг принялась ломать ветки то с одного, то с другого куста.

– Людмила, да ты что делаешь-то? – испугалась мать. – Отродясь лишней ветки не резала, а тут...

– Мама, не бойся, все в порядке, – засмеялась Людмила Петровна, пряча лицо в огромной разноцветной охапке и до изнеможения вдыхая запах, по которому всю зиму тосковала. – Я, кажется, придумала!

И мать, впервые за много дней увидевшая на ее лице улыбку, отступилась молча. Лишь смотрела вслед, озадаченно качая головой.

Автобус из Большого Шишима в Горноуральск ходил два раза в день, на утренний она опоздала. Но зато дневной ходил не до автовокзала, где всегда было столпотворение и нерво-трепка, а до центра, что соответствовало ее стратегическому замыслу. И уже через три часа Людмила Петровна стояла у выхода из подземного перехода, а рядом, на высоком парапете, на расстеленной газетке лежали букеты свежесрезанной сирени. Каждый был завернут в чистую белую влажную тряпочку. И самое странное, что Людмиле Петровне, выросшей с убеждением, что торговля – занятие, недостойное интеллигентного человека, отчего-то совсем не было стыдно. Было чуть страшновато – а вдруг прогонят милиционеры или еще кто – и весело. А еще очень приятно, потому что, как выяснилось, она придумала очень нужное и полезное дело: при виде ее букетов люди замедляли шаг, улыбались, ахали, качали головами, спрашивали, что за сорта. И начинали шарить по карманам в поисках кошелька. Уже через час девять букетов из десяти обрели счастливых и благодарных владельцев.

Последний, десятый, тоже недолго бы залежался, но тут к Людмиле Петровне подошел пожилой мужчина в видавшем виде, однако чистом пиджачке, аккуратных шерстяных брюках, шляпе и белых кроссовках, придававших его, как говорили ее ученики, прикиду неуместно-молодежный вид. «Наверное, внук отдал», – подумала, улыбаясь, Людмила Петровна.

– «Пока я жив, пока я молод, я буду вечно петь сирень! Весенний день горяч и золот, виновных нет в весенний день», – подойдя поближе, с выражением продекламировал старичок. – Это где же такая красота растет? – поинтересовался он, церемонно приподнимая шляпу. – Ведь не в городе же?

– Нет. Только в Большом Шишиме и только у меня в палисаднике, – не удержалась от хвастовства Людмила Петровна.

– Сударыня, вы такая красивая женщина, – снимая шляпу, отвесил комплимент старичок. Он был лысым, только немного пушка сохранилось за ушами. – Зачем вам это надо?

– Что? – растерялась она, не успев насладиться давно не слышанным ни от кого комплиментом.

– Продавать сирень. Очевидно, у вас материальные затруднения?

– Ну... да, – призналась Людмила Петровна, пытаясь сообразить, куда клонит собеседник. – Так получилось...

– Сударыня, такая красивая женщина, как вы, не должна испытывать материальных затруднений, – продолжил старичок. – У меня предложение: пойдете ко мне – я живу вот в этом доме. – Он показал рукой на ближайшую пятиэтажку сталинской постройки. – Мы с вами познакомимся, выпьем чаю и...

Рассказа о дальнейших планах нежданного поклонника ее красоты и стихов Игоря Северянина Людмила Петровна дожидаться не стала. Она подхватила последний букет, скомкала газету и бросилась бежать, пробормотав что-то насчет автобуса. Автобус до Большого Шишима отправлялся через час двадцать, и все это время Людмила Петровна пряталась за киоском «Роспечати», опасаясь, что старичок окажется настойчивее, чем следовало.

Ей было смешно и даже приятно. Первый в ее жизни опыт розничной торговли оказался успешным: в кошельке лежали четыреста пятьдесят рублей (девять букетов по пятьдесят рублей, а она еще стеснялась, заламывая такую, по ее мнению, сумасшедшую цену), перед глазами возникали улыбающиеся, довольные люди, а в ушах звучало: «Вы такая красивая женщина». Может, конечно, старичок и с приветом, но то, что она красивая, ей никогда никто не говорил, даже муж в свое время. В общем, мелочь, а приятно. Всю дорогу домой, трясясь в авто-

бусе по разбитой дороге, она прятала лицо в возвращавшийся с ней домой букет «Павлинки», чтобы другие пассажиры не видели ее счастливой улыбки. И бормотала, с трудом припоминая: Сирень и день! Как опьяненно звучите вы в душе моей! Как я на мир смотрю влюбленно, пьяном сиреневых кистей...»

– Представляешь, мам, для горожан пятьдесят рублей – не деньги. Вмиг разобрали, – блестя глазами и уплетая за обе щеки ужин, взхлеб рассказывала о своих приключениях Людмила Петровна. – А уж сирени у нас с тобой! И между прочим, нарциссы у меня тоже не простые, особенно с оранжевым ободком, ну те, что возле вишни, жаль, отошли. Нет чтобы раньше мне догадаться. А мужчина этот очень приятный, между прочим, – беззастенчиво привирала Людмила Петровна. – Так возле меня и стоял. Вы, говорит, такая красивая. Стихи мне стал читать, представляешь? Чуть замуж не позвал. Смех!

– А я что говорила? – улыбалась мать. – Еще на свадьбе погуляем, не на Сашкиной, так на твоей.

– А что Сашка? – насторожилась Людмила Петровна. – Он тебе что-то сказал? Вот ведь негодник, от матери скрыл, а тебе...

– Да успокойся ты, заполошная! – всплеснула руками мать. – Ничего он мне не говорил. До того ли ему было? Просто к слову пришлось. А сама-то подумай: парню двадцать шесть, красивый, ладный, не пьет, не курит. Девки-то на таких сами вешаются. Я так думаю, Людмила, что и торговать он не для себя пошел. Для себя Сашка не пошел бы точно.

– А для кого?

– Для крали своей. Не иначе. А что молчит, так нынче у них порядок такой. Молчат, а родители и не суйся. Они ведь сейчас и свадеб не справляют, так живут. Не успеешь оглянуться – станешь бабкой.

– Да, – вздохнула Людмила Петровна, озадаченная открывшимися перспективами.

Мама, пожалуй, права: если сын молчит, это не значит, что у него никого нет. Скорее всего именно для этой городской девчонки он и бросился зарабатывать деньги. Девчонки нынче инженерами-то не очень увлекаются, им коммерсантов подавай. А она, дура наивная, радовалась, что после армии сын в институт поступил, диплом получил, работа у него хорошая и зарплата приличная, не пропадет теперь. А оно вон как обернулось...

– Погоди-ка, Людмила, дай глянуть... не вижу без очков. А вроде она! – Мать отобрала у Людмилы Петровны скомканную газету, которую та достала из кармана юбки и аккуратно разглаживала, занятая своими мыслями. – Ну точно, Настасья. Как ее по батюшке, не помню.

Людмила Петровна равнодушно смотрела, как мать водит пальцем по газетным строчкам, по слогам разбирая подпись под фотографией. Газету она купила в городе, чтобы не класть букеты сирени на пыльный парапет, а потом, убегая от старичка, сложила и сунула в карман.

– Она самая! – радовалась мать. – Краева Анастасия Михайловна. Люд, слышишь, это та Настасья Зюзева, что в шестьдесят втором вышла замуж за Пашку Краева, в Озерках, а Пашка отцу твоему родня, их матери – сестры двоюродные. Ты смотри, постарела как, я ведь ее сто лет не видела.

– Да ну ее, мам, – отмахнулась Людмила Петровна. – Сто лет не видела и еще сто лет не увидитесь. Больно надо.

– Нет, не скажи, – вдруг заулыбалась мать, тыкая пальцев в фотографию на помятой газетной странице. – Глянь, глянь! «Фермер Иван Краев с матерью, Анастасией Михайловной».

– И что с того? – расстроенная мыслями о Сашке, равнодушно спросила Людмила Петровна.

– А то, что за ее Ваньку, вот за этого самого, мы с отцом тебя хотели замуж выдать! Хороший парень был, работающий, заводной, на музыке своей играл, магнитофон вроде. Все девки сбегались по вечерам к их избе. А ты, видите ли, нос воротила, потом учиться уехала. Без нас замуж вышла.

– Не без вас, – возразила Людмила Петровна. – Разрешения у вас с папой просила, все как положено. А Ваньку этого я и не помню вовсе.

– Так я же говорю, она в Озерках замуж вышла, там они и жили, – пояснила мать. – Ты его не видела никогда, Ваньку-то. Это уж мы с отцом так, думали просто. Боялись, что ты за городского выскочишь.

– Ага, деревенские лучше, – усмехнулась она. – Я за вашего деревенского вышла и теперь как за каменной стеной. Не говори уж.

– Слушай, Людмила, ты не ругайся, а вот лучше возьми и прочитай, – попросила мать. – Мне же интересно, что с Ванькой стало, как они там с Настасьей. Пашка, Краев-то, сам жив ли. С чего про них в газете пишут. Читай, читай давай!

Нацепив на нос очки и подвинувшись поближе к лампе, Людмила Петровна принялась читать длинный, почти на всю газетную полосу очерк, посвященный преуспевающему фермеру Ивану Краеву из деревни Озерки, который, по словам журналиста, выращивал зерновые на 200 гектарах, содержал 200 голов свиней, заготавливал до 400 тонн сена. Да еще умудрился за последние два года утроить объемы производства и снизить себестоимость продукции в полтора раза.

– О как! – уважительно воскликнула мать, когда дочь закончила чтение. – Молодец, Ванька. И Настасья молодец. Такое дело вдвоем подняли. Вот я и говорю: была бы ты теперь Ванькина жена, Краева то есть, была бы фермершей. И не уволил бы тебя никто. Своя земля, своя скотина – кто ж тебя уволит?

Людмила Петровна посмотрела на фотографию Ваньки Краева – джинсы, рубашка в клетку, кепочка, высокий, тощий, невидный, потом на мать, которая хитро улыбалась. Открыла рот, чтобы что-то сказать, да махнула рукой и стала собираться домой – ночь на дворе, сколько можно лясы точить.

На другой день рано утром Людмила Петровна, как всегда, пришла к матери. Они вместе позавтракали, однако, вопреки сложившейся традиции, она не поспешила в огород и не набросилась на кусты сирени.

– Мам, мы вчера про фермера читали. Ты газеты не выкинула?

– Нет. Федосье покажу. Она с Настасьей дружили. А тебе зачем?

– А я к нему в гости хочу съездить, к Ивану, – пояснила Людмила Петровна. – Познакомиться. Тем более что ты говоришь, родня мы.

– Седьмая вода на киселе, – уточнила мать. – Чего удумала? А, Людмила?

– Посоветоваться хочу. Ты вчера правильно сказала: у кого свое хозяйство, того уволить нельзя. Потому что он сам себе хозяин. Вот я и решила.

– Чего ты решила, глупая твоя голова? – заранее испугалась мать.

– Фермером стану. Дом пустой стоит – пятнадцать соток который год бурьяном зарастают. Да у тебя двадцать. К Карпу Филипповичу и Федосье Иосифовне пойду поклонюсь, как раз забор в забор. Карп Филиппович еще когда говорил, что сил на земле работать у них уж нет, а смотреть, как все зарастает, душа болит. Так что они мне хоть в аренду, хоть так отдадут. Это еще двадцать. Итого полгектара. Мало ли? А кого разводить – решим. Огород я не особо люблю, а со скотиной обращаться умею. Вот Краев меня научит уму-разуму. Возьму кредит в банке. А там видно будет. Может, Сашка согласится помогать. Он чужого-то уже нахлебался. Может, теперь и за свое возьмется охотой.

– Дура ты, Людмила, – печально констатировала мать. – Так вот посмотришь – вроде умная, а все равно дура.

– Да почему?! – возмутилась она. – Тот же твой Иван, вон там написано, политехнический окончил. И ничего, справляется.

– Да он мужик.

– А я чем хуже?! У нас в стране мужиков вроде и нет. У нас бабы вместо мужиков. Вон даже глава администрации – и та женщина. Я всю жизнь в селе прожила, все на себе волокла, двоих сыновей одна подняла, всякую работу знаю. Чем мне еще заниматься-то тут? Или в город прикажешь уезжать?!

– Избави Господи! – придя в ужас от подобной перспективы, перекрестилась не особенно верующая мать. – Ты чего говоришь-то, Людмила? Санька вон уехал уже!

– А больше мне здесь делать нечего! В сельсовет меня Тимкина мамаша на пушечный выстрел не подпустит, да там и без меня полно желающих бумажки перекладывать. В районе в колледж тоже не возьмут, уж Зинаида постарается. Прикажешь всю оставшуюся жизнь в твоём огороде копать и вдвоем на одну пенсию жить? Летом цветами торговать, а зимой чем? Снегом? Нет уж! Я еще им всем покажу! – Кому «всем» и что именно покажет, Людмила Петровна уточнять не стала, лишь воинственно потрясла кулаком.

– Ладно, поезжай! – неожиданно согласилась мать, у которой вдруг возникли свои резоны. – Может, судьба это. Ванька-то, раз с матерью на картинке снят, а не с женой, наверное, холостой. Иначе хозяйка с мужиком снималась бы, точно. И в газете ни про какую жену ни слова нет. Поезжай, доча. С Иваном познакомишься, кто знает, как оно сложится. И привет от меня Настасье передашь. А то сидишь сиднем дома, как мумрик какой.

– Мама! Это нечестно! Что ты меня дразнишь, как детей в садике? И я не собираюсь... – возмущенно начала Людмила Петровна, но случайно бросила взгляд в окно и увидела, как банда из четырех коз, которых хозяева пускали на вольный выпас, нагло вторглась на их огород и с огромной скоростью объедала все, до чего можно было дотянуться.

Обе женщины, прихватив что под руку попало – Людмила Петровна веник, а мать полотенце, – бросились выгонять нахалок, и назревавший диспут о возможных хитроумных многоходовых комбинациях судьбы прекратился.

Решение нанести визит Ивану Краеву Людмила Петровна не стала долго обдумывать и уж тем более откладывать в долгий ящик, потому что была женщиной решительной и последовательной, и на следующий день отправилась в Озерки. Путь недалёкий, полсотни километров. Там первый же встреченный на автобусной остановке мальчишка указал ей на основательный, из новенького оцилиндрованного бревна дом в два этажа, такие она видела на картинке в журнале. Неплохо, значит, идут дела у фермера Краева, приободрилась Людмила Петровна. Глядишь, и ее уму-разуму научит. Перед домом на специально оборудованном флагштоке развевался российский флаг.

Во дворе дома, насколько она могла, сохраняя приличия, разглядеть в одну-единственную случайно найденную щель в новеньком аккуратном заборе, никого не было. Звонка на воротах Людмила Петровна не увидела, но, толкнув на всякий случай калитку, обнаружила, что она не заперта. Стало быть, хозяева – люди гостеприимные и скрывать им нечего, сделала обнадеживающий вывод Людмила Петровна. Поэтому, постучав и не получив ответа, отважно шагнула во двор. Если ей повезет, то хозяева должны находиться дома – время обеденное, а то где она станет их искать на двухстах-то с лишним гектарах?

Но выяснить этот вопрос она не успела. Ей навстречу, наперерез, из разных концов двора бесшумно метнулись три собаки. Не простые деревенские барбосы-пустобрехи, таких она не боялась, знала – прикрикни построже, они и хвост подожмут. Деревенские собаки, честно охраняющие хозяйское добро, а в свободное время мирно фланирующие по улицам села в теплой компании коллег, если что, будут лаять до остервенения, но на человека никогда не кинутся. Эти же были другие: черные, гладкие, здоровенные, толстомордые, поджарые. И вели себя не так, как простые псы. Подлетев вплотную, троица взяла ее в плотное кольцо, и Людмила Петровна чувствовала горячее дыхание клыкастых пастей. Скаля зубы, встали молча, не давая ей пошевелиться. Да и не хотелось шевелиться. Умирая от страха, Людмила Петровна негромко, чтобы не провоцировать собак, позвала:

– Хозяева! Есть кто в доме?

Тишина. Тогда одна из собак, очевидно старшая по званию, не отрывая от Людмилы Петровны кровожадных, как ей от страха казалось, глаз, негромко, но гулко рявкнула. У гостьи сердце ушло в пятки. Но собаку услышали.

– Иван! Кого-то там принесло, иди глянь! – раздался из открытого окна с белыми занавесками женский голос.

Через минуту на крыльцо вышел сам Краев. Людмила Петровна узнала его по фотографии. Не здороваясь, вопросительно посмотрел на незваную гостью.

– Я Мумрикова Людмила Петровна из Большого Шишима, – косясь на собак, произнесла она. – Я к вам по делу... если можно.

– Смотря по какому делу, – равнодушно промолвил хозяин. – У меня к вам дел нет. Дом застрахован, если что.

– Я посоветоваться хотела... – растерялась от прохладного приема перепуганная Людмила Петровна. – То есть совета спросить...

– Так это раньше была страна советов, – усмехнулся Краев. – А сейчас у нас демократия, каждый сам за себя.

– А людей собаками все равно травить нельзя! – Возмущенная невоспитанностью грубияна, Людмила Петровна едва не забыла о грозящей ей опасности.

Но пес, тот, который был за главного, утробно зарычал, и она прикусила язык.

– Я не травлю. Они никого без команды не тронут. Вот вас ведь не трогают же, – любезно пояснил Краев. – Женщина, вы уже скажите, что вам надо, и там решим.

Боясь, что Краев может принять решение не в ее пользу, Людмила Петровна от испуга пошла на крайние меры, прибегать к которым изначально не собиралась:

– Иван Павлович, я ваша родственница. Ваша мама до замужества жила в Большом Шишине и была знакома с моей мамой. Нет, то есть ваш отец и мой отец – родственники...

Она запоздало пожалела, что невнимательно слушала мать, которая все порывалась рассказать о родственных связях между их семействами, корнями уходящих в позапрошлый век и, как подзревала Людмила Петровна, там и зачехнувших. А вот и пригодилось бы!

– Как, говоришь, твоя фамилия? – за спиной Ивана появилась старуха, видимо, мать.

– Я Мумрикова, Людмила Петровна. А моя мама – Кузнецова Евдокия Кондратьевна. То есть это по мужу Кузнецова, а так она Солдатова. А мой отец с вашим мужем вроде братья двоюродные... – совсем сникнув, прошептала Людмила Петровна.

– Евдокия? – удивилась старуха, окидывая Людмилу Петровну колючим взглядом. – Так она жива еще?

– Конечно! Жива-здоровая! И привет вам передает. А я вот посоветоваться хотела с Иваном Павловичем. По работе. Но если нельзя, то я обратно поеду. Вы меня отпустите только.

– Ну, коли Евдокия... – поджала губы старуха и переглянулась с сыном.

Он отдал собакам какую-то короткую команду, и они, мгновенно потеряв интерес к Людмиле Петровне, убежали по своим делам.

– Здравствуйте! – как ни в чем не бывало обратился к ней Краев. – Проходите. Как, вы сказали, вас зовут?

– Лю-людмила Петровна. – Заикаясь от пережитого страха, смешанного с обидой, она затопталась на месте, прикидывая, не лучше ли отказаться от знакомства с неприятной семейкой. Но потом решила, что начатое дело надо довести до конца. И судить о людях по первому впечатлению не стоит. Во всяком случае, она именно так всегда говорила своим ученикам. Вон у них и российский флаг во дворе висит.

И пошла вслед за хозяином в дом.

Ее провели в кухню, оборудованную по последнему слову кухонного дизайнера: дорогой гарнитур, встроенная плита, высоченный холодильник. Из прочей бытовой техники, которой

здесь было, как на витрине в магазине, не избалованная техническим прогрессом Людмила Петровна с ходу опознала только микроволновку и электрический чайник. Зеркальный шкафчик возле мойки оказался посудомоечной машиной, в которую хозяйка дома быстро сгрузила пустые тарелки со стола. Стол обмахнула тряпкой и показала жестом на одну из табуреток, мол, садитесь. То ли от природы Анастасия Михайловна была необщительна, то ли придерживалась народной мудрости, гласящей, что незваный гость хуже татарина, но больше она не проронила ни слова. На стол ничего не поставила, даже стакана воды не предложила. Когда сын и гостья уселись, встала в дверном проеме, как бы намекая, что засиживаться не следует. Большая серая кошка, дремавшая на табуретке, увидев Людмилу Петровну, вскочила, зашипела, спрыгнула на пол и села у ног старухи.

«Да что же это такое, – рассердилась Людмила Петровна. – Я к ним по-человечески, а они меня собаками и кошками травят! Ну и семейка! Словно я у них милостыню просить пришла. Хотя у таких, как Краев с мамашей, шиш чего допросишься. А еще флаг российский повесили во дворе!» И от злости она интуитивно нашла правильную интонацию – не бедной родственницы, явившейся просить помощи, а деловой женщины, приехавшей к более опытному коллеге по работе.

– Иван Павлович, я к вам приехала, как к председателю районной ассоциации фермеров, – деловито произнесла она, не садясь на табуретку (а вдруг они все кошкины?). – Я бы хотела у себя, в Большом Шишиме, организовать свое фермерское хозяйство и надеялась, что вы расскажете мне, с чего начать. Вы человек опытный, известный, вот тут в газете написано, что и в академии при президенте учились, и в Америке. А начинать с нуля без опыта и без подсказки трудно, вы же понимаете.

Анастасия Михайловна неожиданно фыркнула, еще раз смерила гостью взглядом, в котором сквозило откровенное недоброжелательство, повернулась и вышла из кухни. За ней, так же фыркнув, выкатилась кошка.

– Как вы сказали? Свое хозяйство? – отвлек Людмилу Петровну от созерцания хозяйской спины и кошкиной попы с гордо задранным хвостом Иван Павлович.

– Да.

– А зачем вам это надо? – бесцеремонно уточнил Краев.

– Как же... – растерялась Людмила Петровна. – Свое дело. Вот и у вас тут написано, в газете: «Любой фермер не просто кормит страну и помогает правительству решать вопрос продовольственной, а значит, государственной безопасности. Но он выращивает прежде всего не зерно и не скот, а человека и гражданина в себе самом и в тех людях, которые его окружают».

Честно говоря, до сих пор ей, как филологу, эта фраза казалась вычурной, громоздкой и наполненной излишне звонким пафосом. Но поди ж ты – оказалась к месту. Судя по всему, вопрос выращивания гражданина на подведомственных ему гектарах Краева занимал всерьез. Глаза у него потеплели, он расслабился, впервые посмотрел на Людмилу Петровну с интересом.

– Это все правильно написано, – с удовольствием подтвердил он. – Человек на своей земле – хозяин, я всегда говорил. Только дорого это стоит.

– Что дорого стоит? – спросила Людмила Петровна, не сомневаясь, что кулак Краев сейчас заломит цену за свои советы. – Ваша помощь?

– Да моя помощь вам не понадобится, – усмехнулся он. – У вас Интернет есть?

– Да, – подтвердила Людмила Петровна. Правда, она не была в этом уверена: пока Владька находился дома, от компьютера его было за уши не оттащить, все хотел ее научить, да она отказывалась. Но сознаваться в этом не хотелось. – Конечно есть, как же без этого.

– Ну так все проще простого. Пойдемте. – Краев поднялся и вышел из кухни.

Людмила Петровна поплелась за ним, теряясь в догадках. Может, он ее сразу на ферму повел? Тогда надо было туфли похуже надеть, эх, не догадалась.

Однако на ферму они не пошли, а, миновав длинный коридор, оказались в комнате, бывшей чем-то вроде кабинета. На столе стоял большой компьютер. Краев нажал какую-то кнопку, и компьютер приветственно загудел, мигнул, а на экране появилась обаятельная поросычья морда с влажным пяточком и большими ушами.

– Моя красавица! – похвастался Краев. – Матильда, медалистка! Я ее из Германии на своей машине привез! Вот смотрите. Забиваете в любом поисковике, например в «Яндексе», свой вопрос: «Как стать фермером?» Оп... готово. Вот вам и ответы на все вопросы.

«Здесь вы можете найти и бесплатно скачать примерный типовой бизнес-план фермерского хозяйства – свинофермы. Бизнес-план содержит в себе производственную и финансовую части. Подробнее ознакомившись с данным примером бизнес-плана, вы сможете уже написать свой готовый бизнес-план свинофермы или подобного фермерского хозяйства. Мы будем рады, если наш примерный бизнес-план свинофермы вам в этом поможет!» – наклонившись к экрану, прочитала Людмила Петровна. Дальше шел текст бизнес-плана: сбыт продукции, помещение, оборудование, персонал, закупка свиней, средняя рентабельность, окупаемость.

– Так просто? – изумилась она.

– Проще простого, – подтвердил Краев. – А вот можно еще, смотрите, бизнес-план химчистки, пекарни, интернет-магазина. Может, хотите кофейню открыть или кадровое агентство? Сауны, кстати, пользуются большим спросом. Загородные в том числе. Здесь все есть.

– Вы издеваетесь? – воскликнула Людмила Петровна. – А по какому праву?! Я к вам по-человечески, а вы... не хотите помочь.

– Вы же надо мной издеваетесь! – Краев повернулся к ней так резко, что она отшатнулась, едва не упав.

– Я?! Да с чего вы взяли?

– Фермерское хозяйство! Ваше интервью! Нужна ваша помощь! – Он передразнил интонации Людмилы Петровны, но от злости у него это вышло плохо, непохоже. – Вы вообще кто? Откуда взялись? Вы бухгалтер? Медсестра? Библиотекарь? Учительница? Отвечайте честно!

– Учительница, – созналась Людмила Петровна. – Это что, преступление?

– У вас ваше высшее гуманитарное образование на лбу написано! – обличительно ткнул в нее пальцем Краев. – Какая вам ферма, к черту?

– У вас тоже высшее образование, – напомнила она. – Вы же сами УПИ закончили, там в газете написано! А потом вернулись на малую родину, чтобы основать крестьянское хозяйство. Вам можно, а остальным нельзя? Странная позиция! Я здесь выросла, всю жизнь прожила, всю работу на земле знаю.

– Я мужик, – вдруг устало и совершенно спокойно произнес Краев. – У меня руки – вот, посмотрите, искореженные все. А вы небось на своем огороде в перчатках. В перчатках?

– Да. А что в этом такого? – Людмила Петровна спрятала руки под стол, проклиная себя за то, что вчера ради визита к родственнику начисто отмыла руки щеткой и мылом, а ногти накрасила лаком, завалывшимся с невесть каких времен. – Что такого, что женщина?

– Хорошо. Объясняю. Я землю взял в девяносто пятом году. Тогда многие брали, государственная политика такая была – поддержка малых форм аграрного бизнеса. Тогда же мы создали ассоциацию. Восемьдесят пять членов, одни мужики. Сейчас знаешь сколько осталось?

– Сколько? – спросила Людмила Петровна, простив ему переход на «ты».

– Одиннадцать. Из них на плаву четверо, я в том числе. Те, кто приноровились плавать в соляной кислоте. Нам ведь как обещали? Берите, мол, землю и в свободное плавание по волнам рыночной экономики! Только оказалось, что не в воде, а в кислоте. Разъедает все на хрен!

– А остальные?

– Остальные? – зло посмотрел на нее Краев. – Кого посадили, кого убили. Девяностые, сама знаешь. Кто от инфаркта. Кто повесился или застрелился. Последний – Андрюха Тимо-

хин из Первомайки. Взял кредит. А ему землю под сенокос не дали. Коров пришлось на мясо. Когда понял, что отдавать нечем, поехал в район, обстрелял из охотничьего карабина здание администрации. Табличку, говорят, повредил. Его в кутузку. Ночь продержали, утром выпустили под подписку о невыезде. А он ее все равно нарушил, подписку эту. Дома выстрелил себе в грудь из того же карабина. И отъехал.

– А почему все так? – прошептала Людмила Петровна.

– Хочешь знать? – усмехнулся Краев. – Вот смотри: у меня свиней двести голов и две с половиной сотни гектаров земли под ячмень и пшеницу. Я один работаю. Работы на полдня. Но мои возможности безграничны! Я могу пятьсот гектаров обрабатывать. И поголовье могу увеличить. Техника есть, работников найму, если надо будет. Только не нужно никому.

– Как не надо? – не поняла Людмила Петровна. – Почему?

– Ох и глупая ты, фермерша! – махнул рукой Краев. – Это же все потом продать надо. А рынка сбыта мне никто не даст. У нас все закупают ниже себестоимости. Бензин дороже молока. Года три назад завалили рынок импортным мясом по демпинговым ценам. Никто из наших мясо сдать не мог, просто не брали! Мы, говорят, из-за бугра копеечное привезем. Мужики до отчаяния доходили. Что ты думаешь? Потом осудили двух чинуш из Минэкономразвития, как писали, «за сверхплановую торговлю разрешениями на ввоз мяса». В них ли дело? Они стрелочники! А на другой год уже на зерно покупателей не было, и опять по той же причине: урожай высокий, закупочные цены смешные. Я выкрутился, перезанял, квартиру в городе продал. Может, и опять кого посадили, не в курсе. А вот сколько наших по миру пошло, я точно знаю. А ты говоришь – фермерское хозяйство... Скажи, тебя в твоём Большом Шишиме уважают? Соседи там, ученики?

– Вроде да, – пожал плечами Людмила Петровна.

– То-то и оно. А станешь фермером, придется таких вот собачек заводить. От соседей. И от всяких любопытных. Потому что я в их глазах богач и куркуль. И раскулачить меня – святое дело. Так что извини за собак-то. А ты по какой части учительница?

– Русский язык и литература.

– Стихи, наверное, пишешь? – беззлобно спросил Краев.

– Пишу, – созналась Людмила Петровна и оправдалась: – Но я их никому не показываю.

– Вот и пиши. Стихи, книжки. Краеведческие можно. А сюда не лезь. Не женское это дело. Тут и мужики не выживают. Зачем тебе? Какой дурак тебя надоумил?

Неожиданно для себя Людмила Петровна рассказала Ивану Краеву свою историю: и про Тимкину выходку, и про то, как уволили ее, и что помощи ждать неоткуда, а работы по специальности не найти. И уехать не может, потому что мама. И вообще – почему она должна уезжать, будто преступление совершила, дав пощечину юному негодяю?

– Нет, это ты правильно ему по роже дала, – когда она закончила свой рассказ, подвел итог Краев. – Он тебе еще спасибо потом скажет, когда вырастет. И что уезжать не хочешь – тоже правильно. Мы тут на своей земле. Я бы давно свалил в Германию или в Америку, работал бы и горя не знал. Знакомые там есть, говорят, можно устроить. Но мне за державу обидно. Я не куркуль какой, а свободный гражданин своей страны!

Людмила Петровна кивала, слушая, даже глаза у нее загорелись – на сей раз она была с Иваном Краевым полностью согласна.

– И вот что, родственница, – улыбнулся Краев. – Если нужна будет помощь, обращайся. Денег там или что. Вот телефон мой и электронка. Или приезжай, я всегда дома.

Где-то поблизости вдруг раздался жуткий грохот, словно колотили в большой железный таз. Людмила Петровна подскочила.

– Мама волнуется, – спокойно пояснил Иван. – Заболтались мы с тобой, мне ехать пора.

Он проводил Людмилу Петровну до ворот. Вышла Анастасия Михайловна, молча, скрепив руки на груди, встала на крыльце. Смотрела неприязненно. У ее ног сидела кошка, бро-

сала взгляды на Людмилу Петровну, брезгливо дергала боками. Иван посмотрел на небо: собиралась гроза, уже виднелись первые сполохи.

– Слушай, Людмила, давай-ка я тебя до дому подброшу. Невелик крюк. Автобуса до вечера не будет, да и вымокнешь, – предложил он. – Погоди, машину выведу.

– Не сахарная, не размокнет! – крикнула вслед сыну Анастасия Михайловна. – Всех развозить – на бензине разоришься!

– А много к вам народу ходит? – невинным голосом поинтересовалась у нее Людмила Петровна, воспользовавшись тем, что почтительный сын ее не слышит.

Старуха с кошкой опять фыркнули и, не попрощавшись, ушли в дом. Бабахнула об косяк тяжелая дверь. Надо же, удивилась Людмила Петровна, мать такая зараза, а Иван вполне хороший мужик. И вовсе он не куркуль, потому что думает о благе государства. Недаром у него флаг висит.

Итак, надо было срочно придумывать себе новое занятие. Но, как назло, ничего не придумывалось. И работа по хозяйству, как лекарство, к которому привык организм и на которое уже почти не реагирует, уже не занимала все ее время целиком, не помогала отвлечься от мыслей. Одна радость: с сыновьями вроде все в порядке. Владька наконец стал писать. Деревенский мальчишка, попавший во взрослую мужскую жизнь вдали от мамы и бабушки, теперь ощущал себя взрослым и настоящим, и даже ответственным за них. Письма состояли из традиционных фраз: «Мам, это Заполярье, а совсем не холодно!», «И кормят нас хорошо, ты не волнуйся!», «А дедовщины нет, честное слово!». Проверить невозможно, но, судя по тому, что остальная часть письма пестрела восклицательными знаками, новым этапом своей жизни Владька был доволен.

Людмила Петровна перечитывала вновь и вновь, то улыбаясь, то смахивая слезу: «Здравствуйте, дорогие мама и бабушка! Пишет вам матрос Северного флота Владислав Мумриков. Служу я на тяжелом авианесущем ракетном крейсере «Адмирал Кузнецов». Что это такое – вы даже представить не можете, особенно бабушка. Потому что это как огромный дом в двадцать этажей, а полетная палуба как три футбольных поля. Ну, или как две поляны возле нашего Талого Ключа. Тут у нас и спортзалы, и пекарни, и госпиталь, потому что народа – две тысячи человек. Сначала смешно было: показали дорогу на камбуз и на построение в ангар, это я запомнил. А потом говорят – пойдти туда-то и принеси то-то, а я не знаю, где это находится! Коридоры – забегаешься, хотя указатели, конечно, есть. Но я все равно блудил, как по лесу, только что «ау» не кричал. В общем, много писать некогда. Но ты, мама, попроси кого-нибудь из наших или Сашку, пусть они тебя научат, как Интернетом пользоваться, там про наш крейсер много чего написано и фотографии есть, вы бы хоть посмотрели».

И этот туда же со своим Интернетом, махнула рукой Людмила Петровна. Стара уж она этим штучкам обучаться. Хотя посмотреть на Владькин корабль было интересно. Может, правда, Сашку попросить? А Сашка легок на помине. В выходные приехал вроде веселый, сказал, что все в порядке, работу хорошую нашел. Правда, не на заводе, как мать хотела, там зарплата по-прежнему отстает от его потребностей, но и не в коммерции, слава богу. Научила жизнь-то! А инженером по обслуживанию жилого дома, где богатые люди живут. «Клубный дом» называется: квартиры по триста квадратных метров, а также гараж подземный, бассейн, ресторан, зимний сад с фонтаном, магазины, спортзал. Как у Владьки на корабле, развеселилась Людмила Петровна, слушая старшего сына. Хоть в автономное плавание их отправляй. А Сашка, получается, вроде капитана, без него этот «Титаник» сядет на мель, все жильцы в лифтах позастревают. Еще Сашка привез немного денег и научил мать пользоваться Интернетом – она все записала в тетрадку. При Сашке попробовала: вроде получается. Только он смеялся над ее страхом и тем, что она никак не могла заставить изворотливую «мышку» подвести курсор к нужному месту. «Мышь» не слушалась, и стрелка металась, как дурная, по всему экрану.

А разве она виновата, что компьютеры у них в школе были, но только денег на Интернет не выделили. А дома ей не до этих игрушек, знай успевай вертеться по хозяйству да еще матери помогать.

В воскресенье вечером, проводив сына, Людмила Петровна, поплевав на всякий случай через левое плечо, приступила к самостоятельному изучению Мировой паутины – старинным проверенным методом тыка. И у нее получилось! Теперь она, избиходив с утра материнский дом и сделав все, что нужно, в огороде, бежала домой, как запойный пьяница к винному магазину. А как Владьку ругала, что в Интернете своем сидит с утра до ночи, взял бы книжку в руки, оболтус! Теперь для нее открылся новый огромный мир, точнее, готов был открыться, но она пока робко стояла на пороге, заглядывая в приоткрытую дверь и постоянно сверяясь с полученной от сына инструкцией.

Людмила Петровна узнала, например, что у того же Краева есть – подумать только! – собственный сайт и он все свои соображения, которые ей при встрече изложил вкратце, здесь подробно комментирует для желающих. И совершенно потрясло ее то, что любой человек, живи он хоть в Кейптауне, хоть на Мадагаскаре, если вдруг взбредет ему в голову, сможет запросто прочитать в Интернете про их Большой Шишим. Черт с ним, с бизнес-планом свинофермы, азартно стуча одним пальцем по клавишам, думала Людмила Петровна. Зато набережь в окошечке «Ракетный крейсер «Адмирал Кузнецов» – и словно с сыном повидалась. Можно даже по Североморску будто бы погулять, узнать, какая там погода, и полюбоваться на набережную, думая, надеясь, что на эту же картинку смотрит сейчас с палубы своего корабля матрос Владислав Мумриков. Аж дух захватывало от собственных возможностей!

Вчера, например, Людмила Петровна полночи не спала, отважно запросив у всезнающего компьютера «виды океанского побережья». Она и сама всегда удивлялась: как так вышло, что никогда не виденный ею океан занимал в ее жизни столько места. Она любила маму, сыновей, работу. Село свое любила, как положено, потому что, где родился, там и пригодился. Еще весну любила до самозабвения, каждый раз глупо и безосновательно ожидая начала какой-то новой жизни для себя, как и для природы. И не оттого, что старая жизнь ее не устраивала, а просто... И вдруг океан, который снился и был даже не мечтой и не целью, а далеким воплощением счастья, что звучит, разумеется, глупо. Но Людмила Петровна об этом никому не говорила. А океан просто был.

Но утром встала, как положено, в шесть. На сегодня у нее была намечена большая работа. Уезжая, Сашка спросил, не могли бы его знакомые пожить пару недель в доме его прабабки, все равно пустой стоит. А люди хотят пожить в деревне вдаль от цивилизации, подышать свежим воздухом и денег немного заплатят. Ну и отказать неудобно, он уже сказал им, что в доме много лет никто не живет. Насчет удаленности от цивилизации Людмила Петровна слегка обиделась, этим горожанам любое место, куда нельзя добраться на метро, уже кажется экзотикой и дикой природой. А воздух – да, это точно. И друзьям отказывать нельзя, если можешь помочь. Ну и деньги пригодятся.

Дом, о котором говорил Сашка, принадлежал деду и бабке Людмилы Петровны, Анне Алексеевне и Николаю Кондратьевичу Солдатовым. В нем никто не жил с конца восьмидесятых годов, когда умерла бабушка. Что делать с опустевшим и осиротевшим домом, никто не знал. Продавать – так покупателей не находилось. Да и память в чужие руки отдавать не хотелось. Кончилось тем, что закрыли окна ставнями, заперли на засов дверь, перекрестили от лихих людей и оставили стоять. Два раза в год, обычно ранней весной, до начала посадок, и поздней осенью, под первый снег, Людмила Петровна приходила в дом, здоровалась с иконами и фотографиями. Два больших овальных фотопортрета в самодельных деревянных, крашеных зеленой краской рамках – молодые и серьезные Анна Алексеевна и Николай Кондратьевич смотрели внимательно и, казалось, укоризненно: явилась, дескать, не очень-то и поспешала. Ну да все равно – здравствуй, внучка.

Людмила Петровна, приходя в дом, всегда рассматривала многочисленные фотографии, висевшие на стене в простых самодельных рамках. Маленькие, не очень качественные, потрескавшиеся от времени, они хранили память о людях, которых давно уже нет, и память едва сохранила их имена и кто кем кому приходится: дядья, сваты, двоюродные братья и сестры. Вот мама Людмилы Петровны и отец: торжественные и смущенные, ставят подписи в загсе. Вот Людмила Петровна, точнее Людмилка-первоклашка, толстощекая, смешная, с большими бантами и косами. А вот кто-то в морском бушлате, значит, Владька не первый в их родне моряк. Жаль, не успела она у бабушки спросить, кто это, да и не интересовалась тогда выгоревшими карточками, а мама теперь вряд ли вспомнит.

Потом вытрясала половички, мыла окна, терла тряпкой крашеный дощатый пол, собирала бабушкины подзоры и кружевные салфетки, чтобы отнести домой в стирку. Пыли не было, откуда ей взяться, если дом стоял теперь на самой окраине, вплотную подступил лес, недаром и улица называлась Лесная, а рядом такие же брошенные дома, так что даже дым из печей экологии не нарушает. И вот что интересно: таких домов, как солдатовский, в селе было много, жизнь идет, молодые жить в дедовских домах не хотят. Что-то покупали дачники, сносили, перестраивали до неузнаваемости. Остальные ветшали, сдаваясь на милость времени и погодных перемен. А этот стоял крепко, как заговоренный. То ли оттого, что построил его на совесть Людмилин дед, то ли умирали те дома потому, что их не любили. А солдатовский дом жил, рассматривая уже третий век своими вовсе и не подслеповатыми окошками в потемневших резных наличниках.

На сей раз Людмила Петровна перешагнула порог дома с волнением. Дело ли она затеяла, согласившись на Сашкины уговоры? Примет ли дедовская изба чужих людей?

– Баба Нюра, ты как думаешь? – спросила у фотографии.

С дедом она никогда не разговаривала, потому что не знала его и помнить не могла. Он умер еще до войны. А у бабушки была любимой внучкой, младшенькой, последней.

Посмотрела – Анна Алексеевна улыбается вроде. К чему бы? И тут же села сама на лавку и давай смеяться. Отсмеявшись, достала телефон, стала сыну звонить:

– Саша, ты прав был насчет цивилизации-то! Мы с тобой, дураки, и в голову не взяли, что в доме электричества сто лет нет! Как же они без света и без телевизора будут?

– Мам, я им все говорил, они именно так и хотят, я тебе объяснял, а ты не дослушала. Они хотят свечки жечь и соловьев слушать. Соловьи ведь никуда не делись? Вот и хорошо. Воду станут с Талого Ключа брать, там ведь рядом. С ведром, зато без хлорки. Устали люди от цивилизации, пусть в Шишине отдохнут. Наш сортир им будет экстримом покруче сафари. А сотовый зарядить – к тебе придут, если захотят. Не парься, мам!

Скептически усмехнувшись, она принялась за генеральную уборку. Распахнула ставни, в окна хлынул солнечный свет, и Людмила Петровна вместе с проснувшимся домом пришла в отличное расположение духа. Очень хорошо, хотят избалованные горожане в деревенскую жизнь поиграть – милости просим. Вот только с сортиром возникнут проблемы, потому что данное дощатое сооружение покосилось и рухнуло лет пятнадцать назад. Ничего, играть так играть, лес и кустики вон они, рядышком! Зато баня стоит, пол чуть прогнил, но можно настил сколотить. А может, и каменка жива, даже интересно.

Приехавшие через два дня Сашкины друзья оказались молодой супружеской парой. Их авантюрная затея имела вполне объяснимую подоплеку: Вероника писала кандидатскую по психологии, что-то связанное с неврозами и издержками цивилизации, а Сергей был художником и решил сопровождать супругу, желая совместить приятное с интересным, полезным и из ряда вон выходящим. Ну и, конечно, поработать на природе. Они влюбились в дом на улице Лесной с первого взгляда, их восхищало все: старинные сундуки и кровать с никелированными шарами и панцирной сеткой, кружевные салфетки на полочках и древний, темного дерева буфет, о бока которого многие поколения кошек точили когти, отчего там образовалась

глубокая впадина. Они как чем-то совершенно необыкновенным любовались чайными чашками кузнецовского фарфора и гранеными стопками под водку, которые в этом самом буфете испокон века жили, подольской швейной машинкой на чугунной подставке и подшивкой журналов «Крестьянка» за семьдесят второй и семьдесят третий годы.

Совершенно растрогавшись от их восторгов, Людмила Петровна даже разрешила им исследовать содержимое чердака и взять оттуда все, что понравится. Сергей нашел там керосиновую лампу, позеленевший медный таз с ручками, старинные счеты с костяшками, старое, покрытое пятнами зеркало и множество других интереснейших, по его мнению, вещей, которые он целыми днями приводил в порядок, мыл, чистил и перебирал. Теперь по вечерам Людмила Петровна приходила к ребятам. Нет, она не сомневалась в сохранности бабушкиного добра. Оно тридцать лет стояло без присмотра. Просто Вероника и Сергей очень полюбили слушать ее рассказы о бабушке, об истории села, которое в сказках Бажова упоминается. Телевизора-то у них не было, а при свечах сказки слушать – самое милое дело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.